

Сергеев С.А., д-р полит. наук
SASergeev@kpfu.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, Казань

DOI: 10.24153/2079-5912-2019-10-6-62-66

«НОВЫЕ ЛЕВЫЕ» РАДИКАЛЫ: ОТ «ПОДЕМОС» ДО ЛЕВОГО ФРОНТА

Аннотация: Статья посвящена феномену нового левого радикализма, появившегося в Западной Европе и в России в последние 10-15 лет. Первоначально понятие «левого радикализма» использовалось для характеристики левых организаций и групп, склонных к решительным и насильственным действиям. Сегодня новыми левыми радикалами называют движения и партии, находящиеся слева от традиционной социал-демократии. Они отвергают основные социально-экономические структуры, ценности и практику современного капитализма, но большинство из них выступают за углубление экономической и политической демократии посредством трансформации («неолиберального») глобализированного капитализма. Экономический кризис конца 2000-х гг. способствовал тому, что в середине 2010-х гг. некоторые западноевропейские леворадикальные партии и движения («СИРИЗА» в Греции, «Подemos» в Испании, «Непокоренная Франция») смогли достичь существенных успехов на выборах, хотя эти успехи были недолгими. Достижения российских леворадикальных движений значительно скромнее. Некоторый подъем леворадикального движения в начале 2010-х гг. был обусловлен следующими факторами: всё большим приспособлением Коммунистической партии Российской Федерации к российскому политическому режиму, что интерпретировалось радикалами как «оппортунизм», кризисом 2008 – 2009 гг., а также ростом русского национализма, которому противостояли «антифа». Сегодня российские левые радикалы испытывают упадок, расколоты на несколько групп (коммунисты-фундаменталисты; движения анархистов и «антифа»; «гибридные» организации, сочетающие черты «новых» и «старых» левых, как Левый фронт), имеют ограниченную социальную базу, не представлены в парламенте. Это обусловлено, вероятно, тем, что российские левые радикалы в гораздо большей степени зависят от советского опыта и мировоззренческих установок, сложившихся в советскую эпоху, что предопределяет гегемонию в российском левом движении Коммунистической партии Российской Федерации.

Ключевые слова: левые радикалы, новые левые, Подemos, СИРИЗА, Левый фронт.

Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007 – 2018 гг.: сравнительный анализ»).

Содержание понятий «левый радикал» и «левый радикализм» за последнее столетие претерпело сложные изменения. Термин «радикальный», происходящий от латинского слова *radix* – корень означает «коренной», в переносном значении – «решительный», а «радикал», согласно словарю В. Даля, «политик, требующий коренных преобразований в управлении» [1, с.7]. Первоначально понятие «левый радикализм» использовалось для характеристики левых организаций и групп, склонных к решительным и насильственным действиям, и применялось для дифференциации последних от более умеренных левых. Позже, когда важное место среди крайне левых партий и движений стали занимать коммунисты, понятие «левый радикал» стало применяться к неопределенной группе левых, настроенных революционно, но в то же время не идентифицирующих себя ни с социал-демократами, ни с коммунистами, критикующих как капитализм, так и советский социализм. Во многом оно стало синонимично появившемуся на рубеже 1950-х – 1960-х гг. понятию «новые левые». «Новые левые», по словам Д. Пристанда, были «эклектичной группой», отвергавшей иерархию и централизм, характерные для «старых левых», и отстаивавшей «принципы свободного обсуждения и коллективной демократии участия» [2, с. 693-694]. Г. Кациафикас определяет понятие «новые левые» более широко (хотя по сути его характеристика «новых левых» не противоречит определению Пристанда): это было глобальное движение, состоявшее из множества компонентов, решившее децентрализовать и перераспределить материальные ресурсы, находившееся в оппозиции всем видам господства, также как и экономической эксплуатации, а также считавшее необходимым расширить понимание свободы, демократии и прав человека, а не ограничить их [3, р. 17, 20, 23-24]. Наконец, новое содержание понятие «левый радикал» приобрело в 2000-е и 2010-е гг., когда левое движение в Западной Европе преодолело внутренний кризис, в котором оно оказалось после самоликвидации советского социализма и триумфа неолиберализма.

Левыми радикалами в начале XXI века стали называть посткоммунистические партии и движения, находящиеся левее социал-демократии (к этому времени существенно сдвинувшейся вправо). Первыми подобными организациями были Левый блок Португалии и Коалиция радикальных левых Греции. Возникнув как предвыборные объединения достаточно разнородных троцкистских, маоистских и еврокоммунистических групп, в середине 2000-х г. они становятся полноценными партиями. В 2005 г. в Ирландии возникает Альянс «Люди важнее прибыли», в 2007 г. – Левая партия Германии, в 2008 г. – Левый фронт Франции, в 2012 г., на волне массового движения протеста против политики «жесткой экономии» в Испании – партия «Подemos» («Мы

вместе»), в 2016 г. – партия «Непокоренная Франция» [4, с. 86-87]. Изменились и исследовательские оценки левых радикалов. Если в середине 2000-х гг. их характеризовали примерно так же, как ранее характеризовали коммунистические партии, – как противников капитализма и либеральной демократии [5, р.25], то через десять лет оценка левых радикалов стала не такой прямолинейной. Да, левые радикалы отвергают основные социально-экономические структуры, ценности и практику современного капитализма, констатировали Л. Марч и Ш. Роммерскирхен, но большинство из них выступают за углубление экономической и политической демократии посредством трансформации «неолиберального» глобализированного капитализма [6, р.41].

Пика своего успеха леворадикальные движения и партии достигли в Греции и Испании в 2015 гг.: греческая Коалиция радикальных левых («СИРИЗА») в 2015 г. одержала две победы на выборах, став старшим партнером в коалиционном правительстве (хотя в перспективе эти победы оказались пирровыми) [7]. Успехи «Подemos» были более скромны: на выборах в 2015 и 2016 гг. она завоевала свыше одной пятой голосов испанских избирателей [8].

Но ни в одной из западноевропейских стран новым левым радикалам не удалось расширить свой электорат. На выборах в Европарламент в мае 2019 г. СИРИЗА заняла второе место, уступив праволиберальной партии «Новая демократия». А. Ципрас отправил правительство в отставку и объявил о досрочных парламентских выборах. На этих выборах СИРИЗА опять уступила «Новой демократии», хотя и осталась второй крупнейшей партией Греции. Партия «Подemos» создала к выборам 2019 г. в кортесы и Европарламент коалицию *Unidos Podemos*, но электоральный результат этой коалиции оказался слабее, чем результаты «Подemos» в 2015 – 2016 гг.: на парламентских выборах в Испании, состоявшихся 28 апреля 2019 г., коалиция потеряла 5,4% голосов и 24 мандата, на выборах в Европарламент в мае того же года – 8 % голосов и 5 мандатов. Худший результат с момента своего создания показала на выборах в Европарламент 2019 г. Левая партия Германии (5,5 %; потеряны 1,9 % и 2 мандата) [9].

Несмотря на то, что подъем леворадикальных партий и движений в Западной Европе в конце 2000-х – первой половине 2010-х гг. был недолгим, он изменил политический ландшафт многих западноевропейских стран, способствуя формированию оппозиции консервативно-либеральному-социал-демократическому центру слева.

Ситуация в России существенно отличается. Леворадикальные организации существуют, но (если с определенной долей условности рассматривать КПРФ как умеренных и традиционных левых) о полноценном участии их в политике речи не идет, и они представляют собой часть внепарламентской оппозиции.

Леворадикальная волна конца 2000-х – начала 2010-х затронула и Россию, что было обусловлено несколькими факторами: всё большим приспособлением КПРФ к российской политической системе, что интерпретировалось радикалами как «оппортунизм», кризисом 2008 – 2009 гг., а также ростом русского национализма, которому противостояли «антифа». В 2008 г. (вероятно, в какой-то мере подражая Левой партии Германии и «СИРИЗе») группа российских левых активистов создала движение Левый фронт, который, однако, не смог или не захотел институционализироваться в качестве партии. Деятельность внепарламентских левых, в частности, движения «антифа» и Левого фронта, подготовила массовые протесты 2011 – 2012 гг.; внепарламентские левые были, наряду с русскими националистами, либералами и гражданскими движениями, важной составной частью этого протестного движения [10, с. 376-380]. Лидер Левого фронта С. Удальцов был одним из руководителей протестного движения 2011 – 2012 гг.

Но «точечные» репрессии 2012 – 2013 гг. («болотное дело»), а также рост популярности политики Путина после 2014 г. обусловили углубление раскола в левом движении и последующий его упадок (как и упадок других оппозиционных движений в России). С. Удальцов в 2013 г. был осужден и до 2017 г. находился в местах лишения свободы. С 2014 г. Левый фронт переживает организационный и идейный разброд. Выйдя из заключения в 2017 г., С. Удальцов попытался активизировать деятельность этой организации. Некоторый подъем его стал наблюдаться лишь в последние месяцы 2018 года, после объявления непопулярной пенсионной реформы. Но идеологическое и коалиционное позиционирование Левого фронта в 2008 – 2013 гг. и в 2017 – 2019 гг. весьма различно: в 2008 – 2013 гг. Левый фронт выступал как альтернатива КПРФ, в 2017 – 2019 гг. – уже как младший партнер КПРФ.

Кроме «Левого фронта», представляющего собой «гибридную» организацию, сочетающую идеи и принципы как «старых», так и «новых» левых, существует несколько организаций коммунистов-фундаменталистов, которые, в свою очередь, следует разделить на приверженцев советского опыта (образовавшаяся в 2014 г. Объединенная коммунистическая партия) и троцкистов (Революционная рабочая партия). Наиболее крупные из них насчитывают несколько тысяч активистов (РРП – около тысячи, ОКП – около трех тысяч) и могут проводить не только разовые акции, но и кампании, а также выдвигать активистов в муниципальные органы власти.

Сторонники либертарного коммунизма и социализма – движения автономов и антифа, склонные к отрицанию советского опыта и ориентирующиеся почти исключительно на современное антикапиталистическое движение на За-

паде, пережили пик своего влияния во второй половине 2000-х – начале 2010-х гг. [11] В настоящее время они испытывают давление со стороны правоохранительных органов (дело «Сети») и значительно сократили свою активность.

Таким образом, подъем нового леворадикального движения, позиционирующего себя левее традиционной социал-демократии, в 2010-е гг. испытали как страны Западной Европы, так и Россия. Ряд западноевропейских леворадикальных партий смог расширить свое парламентское представительство и общественное влияние. Успехи российских левых радикалов значительно скромнее. Одна из причин этого состоит, на наш взгляд, в том, что западные левые радикалы в гораздо большей мере восприняли и переработали опыт «новых левых», критически относившись не только к капитализму, но и к СССР и советскому марксизму. Российские левые радикалы в гораздо большей степени зависят от советского опыта и мировоззренческих установок, сложившихся в советскую эпоху, и это в свою очередь, предопределяет гегемонию КПРФ в российском левом движении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [Репр. воспроизв. изд. 1912 – 1914 гг.] Т. 4: Р-V. – М.: Цитадель, 1995. – 811 с.
2. Пристанд Д. Красный флаг: история коммунизма. – М.: Эксмо, 2011. – 976 с.
3. Katsiaficas G. The Imagination of the New Left. A Global Analysis of 1968. – Cambr. (MA): South End Press, 1987. – 360 p.
4. Сергеев С.А. Социальные движения и левые радикалы в начале XXI века // Управление устойчивым развитием. – 2018. – № 4. – С. 83-89.
5. March L. What's left of the radical left? The European radical left after 1989: Decline and nutation / L. March, C. Mudde // Comparative European Politics. – 2005. – Vol. 3. – № 1. – P. 23-49.
6. March L. Out of Left Field? Explaining the Variable Electoral Success of European Radical Left Parties / L. March, C. Rommerskirchen // Party Politics. – 2015. – Vol. 21. – № 1. – P. 40-53.
7. Katsourides Y. Radical Left Parties in Government: The Cases of SYRIZA and AKEL. – L.: Palgrave, 2016. – 170 p.
8. Podemos and the New Political Cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics. Ed.: O.G. Agustin, M. Briziarelli. – L.: Palgrave, 2018. – 299 p.
9. European Parliament election 2019. Results. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/en/europawahlen/2019/ergebnisse.html> (дата обращения 20.10.2019).
10. Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011- 2013 гг. / М.А. Алюков и др. – М.: НЛО, 2015. – 480 с.
11. Сергеев С.А. Левые радикалы в российской провинции: движение «антифа» // Политэкс. – 2013. – № 1. – С. 38-50.

Sergeev S.A.
Doctor in Political Sciences
Kazan Federal University,
Russia, Kazan
SASergeev@kpfu.ru

«NEW LEFT» RADICALS: FROM «PODEMOS» TO THE LEFT FRONT

The article is devoted to the phenomenon of a new left-wing radicalism that appeared in Western Europe and in Russia over the past 10-15 years. Initially, the concept of «left radicalism» was used to characterize left organizations and groups prone to decisive and violent actions. Today, the new left-wing radicals are called movements and parties located to the left of traditional social democracy. The economic crisis of the late 2000s contributed to the fact that in the mid-2010s some Western European left-wing radical parties and movements (SYRIZA in Greece, Podemos in Spain, and «Unbowed France») were able to achieve significant election success, although these successes were short-lived. Achievements of the Russian left-wing radical movements are much more modest. Some rise in left-wing radical movement in the early 2010s was caused by the following factors: the CPRF's ever greater adaptation to the Russian political system, which was interpreted by the radicals as «opportunism», the crisis of 2008-2009, and the growth of Russian nationalism, which was opposed by the «antifa». To-day, Russian left radicals are in decline, split into several groups (communists-fundamentalists; anarchist and antifa movements; hybrid organizations combining the features of the «new» and «old» left as the Left Front) have a limited social base and are not represented in parliament. This is probably due to the fact that Russian left radicals are much more dependent on Soviet experience and worldviews prevailing in the Soviet era, which predetermines the hegemony of the Communist Party in the Russian left movement.

Keywords: left radicals, new left, Podemos, SYRIZA, Left Front.

Literature:

1. Дал` В. Толковý`j slovar` zhivogo velikorusskogoazy`ka: V 4 t. [Repr. vosproizv. izd. 1912 – 1914 gg.] T. 4: R-V. – M.: Citadel`, 1995. – 811 s.
2. Pristland D. Krasny`j flag: istoriya kommunizma. – M.: E`ksmo, 2011. – 976 s.
3. Katsiafcais G. The Imagination of the New Left. A Global Analysis of 1968. – Cambr. (MA): South End Press, 1987. – 360 r.
4. Sergeev S.A. Social`ny`e dvizheniya i levý`e radikalý` v nachale XXI veka // Upravlenie ustojchivý`m razvitiem. – 2018. – № 4. – S. 83-89.
5. March L. What's left of the radical left? The European radical left after 1989: Decline and nutation / L. March, S. Mudde // Comparative European Politics. – 2005. – Vol. 3. – № 1. – R. 23-49.
6. March L. Out of Left Field? Explaining the Variable Electoral Success of European Radical Left Parties / L. March, C. Rommerskirchen // Party Politics. – 2015. – Vol. 21. – № 1. – R. 40-53.
7. Katsourides Y. Radical Left Parties in Government: The Cases of SYRIZA and AKEL. – L.: Palgrave, 2016. – 170 r.
8. Podemos and the New Political Cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics. Ed.: O.G. Agustin, M. Briziarelli. – L.: Palgrave, 2018. – 299 r.
9. European Parliament election 2019. Results. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/en/europawahlen/2019/ergebnisse.html> (data obrashheniya 20.10.2019).
10. Politika apolitichny`x: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011- 2013 gg. / M.L. Alyukov i dr. – M.: NLO, 2015. – 480 s.
11. Sergeev S.A. Levý`e radikalý` v rossijskoj provincii: dvizhenie «antifa» // Polite`ks. – 2013. – № 1. – S. 38-50.